

Иннокентий (Пустинский), иером. Многое и Единое (Лк. 10, 41—42): [Слово в день Покрова Пресвятыя Богородицы, сказано 1 октября 1898 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 4. № 10. С. 8—17 (2-я пагин.).

„МНОГОЕ“ и „ЕДИНОЕ“¹⁾.

(Лук. X, 41—42).

„Во время оно, вниде Иисусъ въ весь нѣкую: жена же нѣкая, именовъ Марѳа, пріятъ Его въ домъ свой“... (Лук. X, 38).—Какъ часто и въ храмахъ и дома мы читаемъ и слышимъ эти простыя слова! Какъ близки и знакомы они нашему сердцу! Но, братіе, я боюсь, что насколько часто это бываетъ, настолько-же, если не болѣе, рѣдко и мало мы останавливаемъ на нихъ наше вниманіе. Быть можетъ, впрочемъ, въ такихъ случаяхъ мысль наша съ быстротою молніи перенесется въ евангельскую Вифанію и на мгновеніе поставитъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ эту хлопотливую Марѳу, которая за снѣшной работой забыла своего Божественнаго Гостя и которой поэтому Спаситель сказалъ: „*Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ. Едино же есть на потребу*“ (—ст. 41). Но тотчасъ-же послѣ этого и Вифанія, и Марѳа, и Господь, и ихъ бесѣда—забываются, какъ что-то далекое, отжившее, стороннее, чужое.

Правда, нынѣ нѣтъ уже той женщины, которая „во время оно“ открыла для Божественнаго Путника свое жилище,—она почилла. Но не умеръ, не состарѣлся и ни въ чемъ не измѣнился Господь, Который былъ тогда ея гостемъ, ибо *предъ Нимъ и тысяща лѣтъ яко день вчерашній* (Псал. LXXXIX, 5; ср. Числ. XXIII, 19; Псал. CI, 26—28 и др.); какъ тогда, такъ и нынѣ Онъ *назираетъ вселенную* (Іов. XXVIII, 24); какъ тогда, такъ и

¹⁾ Слово, сказанное за литургіей въ Покровской, что при Московской Духовной Академіи, церкви въ день Покрова Пресвятыя Богородицы и въ день годичнаго академическаго акта 1 октября 1898 г.

нынѣ Онъ *стоитъ у дверей сердца нашего и стучитъ*, ожидая, пока мы услышимъ гласъ Его, введемъ Его въ свой домъ и предложимъ Ему вечерю нашу (ср. Апок. III, 20).

Приди же, Господи! Вниди подъ кровы людскіе, воззри на стогны людскихъ городовъ, и Ты увидишь, гдѣ нынѣ уготовано мѣсто Тебѣ!

Предъ взоромъ Господнимъ могучей, широкой волной движется общественная жизнь человѣчества; по градамъ и весямъ, въ домахъ и на стогахъ повсюду происходятъ наши обычные базары житейской суеты, гдѣ перемѣшано добро и зло, красота и безобразіе, богатство и бѣдность, величіе и низость, радость и горе.

Люди отъ утра до ночи трудятся въ дѣлахъ своихъ, въ потѣ лица несутъ тяготу трудовую. Но такъ-ли трудятся они, какъ Господь заповѣдалъ? Надъ тѣмъ-ли трудятся они, что угодно Ему? Ищутъ-ли Бога, чтобы принять Его въ домъ свой? Полезно, братіе, и поучительно посмотреть.—

Вотъ, напр., трудится разумъ человѣческій. Дѣятельность его замѣтнѣе всякой другой. Результаты ея видны отовсюду. Цѣлыя тысячи книгъ, цѣлыя сотни ежедневныхъ изданій, цѣлыя горы всевозможныхъ газетъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ, что наперсники мудрости міра сего не скрываютъ подъ спудомъ талантовъ своихъ, а усиленно развиваютъ и воздѣлываютъ ихъ. Предъ ними раскрываются нѣдра земныя и показываютъ имъ сокровенныя тайны свои; предъ ними осушается море, и его сокровища дѣлаются достояніемъ людей; страшные водопады, какъ послушные кони, впрягаются и движутъ гигантскія колесницы людскаго труда; за спиной смѣльчака вырастаютъ крылья, и чрезъ горы и моря, какъ новый Энохъ, или какъ второй Ілія, онъ устремляется къ тому мѣсту, гдѣ, повидимому, небо сходится съ землею, — и если достигнетъ этого пункта, тогда, безъ сомнѣнія, по наклонному своду небесному онъ взойдетъ на самое небо, исчислить звѣзды небесныя и, можетъ быть, дѣйствительно найдетъ Бога. Но нѣтъ, братіе, напрасная надежда! Напрасно ожиданіе, что въ нѣдрахъ земныхъ люди найдутъ Бога, — ибо они ищутъ тамъ лишь сокровищъ. Ошибочно упованіе, что новый Энохъ и второй Ілія перенесутъ ваши молитвы къ престолу Божію, — потому что ихъ воздушныя колесницы предназначены для научныхъ цѣлей. И люди

ни въ нѣдрахъ земныхъ, ни въ глубинахъ моря, ни въ высотахъ небесныхъ не могутъ найти Бога, ибо *„видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ“* (Мѣ. XIII, 13). Въ своемъ самообольщеніи они не замѣчаютъ, что ихъ разумъ давно уже переступилъ опредѣленную ему границу, за которой онъ безсиленъ, и ушелъ далеко въ сторону отъ истиннаго пути познанія міроваго порядка. Человѣкъ посмотрѣлъ тутъ и тамъ и, не найдя ничего, кромѣ себя самого и силъ природы, рѣшилъ, что онъ самъ и природа суть тѣ божества, которымъ въ той или иной формѣ слѣдуетъ поклоняться. А отсюда ему оставался всего одинъ маленькій шагъ до того, чтобы вынести изъ своего жилища священныя изобразенія воплотившагося Сына Божія, явившаго въ своемъ Лицѣ образъ Бога Отца и даровавшаго намъ Духа Божія, — убрать св. иконы, которыми наши благочестивые предки любили гордиться и украшать дома свои, — а на ихъ мѣсто поставить свой собственный образъ и образы земныхъ нашихъ кумировъ.

Но почему человѣкъ не повѣритъ Давиду, который явственно указалъ ему на вездѣприсутствіе Божіе? *„Камо пойду отъ Духа Твоего, — благоговѣйно попрошалъ онъ Господа Бога, — и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще възду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси. Аще возму крыль мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя“* (Псал. СXXXVIII, 7—10). — Какъ онъ не убѣдится свидѣтельствомъ Библии, которая на каждой страницѣ говоритъ ему о Богѣ, великомъ въ совѣтѣ Своемъ и дивномъ въ дѣлахъ Своихъ, премудромъ Творцѣ и Промыслителѣ вселенной? — Это, братіе, произошло оттого, что, прежде чѣмъ вытѣснить Бога изъ міра, онъ вмѣстѣ съ иконами вытѣснилъ изъ своего жилища ту великую Книгу, которая говоритъ о Немъ, ибо она не согласовалась съ его открытіями и показала ему устарѣвшимъ сборникомъ. Загляните въ книгохранилище такого человѣка. Боже мой, чего тутъ нѣтъ, — какихъ, даже самыхъ рѣдкихъ, книгъ вы не найдете тамъ?! Между тѣмъ, вы не вездѣ увидите ту Книгу, которая должна бы быть настольною у cadaго христіанина. Вы увидите тамъ всевозможныя своды законовъ и кодексы правилъ, но не вездѣ найдете *свѣтой законъ*, данный Богомъ на Синаѣ

при звукахъ трубъ, среди громовъ и молній; не вездѣ найдете даже святое евангеліе. Человѣку стыдно не имѣть сочиненій какого-либо писателя, на-время пріобрѣтшаго извѣстность въ свѣтѣ, но не стыдно не имѣть творенія Духа Божія, даннаго намъ для спасенія на всѣ времена. Если-же гдѣ-нибудь и окажется эта Книга, то знайте, что она тутъ *для справокъ*,—только потому, что другіе люди часто ссылаются на нее,—а не для того, чтобы проникать до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и регулировать жизнь человѣка. Человѣкъ не боится, что будетъ время, будетъ судъ міру сему, когда не спросятъ его о томъ, много-ли зналъ онъ наукъ и какія именно, какими языки глаголъ, —но строго спросятъ о томъ, старался-ли знать, когда могъ, святую волю Божию, старался-ли исполнять ее, когда имѣлъ всѣ средства, *яже къ животу и благочестію*, пріобрѣтеныя безцѣнною кровію Единороднаго Сына Божія.—И тогда онъ вспомнитъ слова, которыя нынѣ сказалъ Господь: „*Марко, Марко, печешися и молвиши о мнозѣ. Едино же есть на потребу*“: ты заботишься и говоришь о многомъ, но не о томъ, что одно для тебя нужно. Вспомнить, но уже поздно, ибо Божественный Путникъ не зайдетъ въ его жилище.—

Но вотъ Господь всевидящимъ окомъ проникаетъ и въ сокровенную область нашего сердца. Не здѣсь-ли, братіе, приготовили мы обитель Ему?—Да, конечно,—наше „святое святыхъ“, наше сердце, гдѣ мы слагаемъ и носимъ драгоценнѣйшія чувства наши и ревниво охраняемъ это сокровище отъ посторонняго взора,—всегда готово для Него, и тамъ, безъ сомнѣнія, мы уготовали мѣсто для Господа.—Но какое приготовленіе требуется и что нужно было для того, чтобы сердце наше стало способнымъ къ пріятію Спасителя нашего? Онъ Самъ говоритъ, что для этого нужно—любить Бога всѣмъ сердцемъ и соблюдать Его заповѣди. „*Имѣяй заповѣди Моя и соблюдалй ихъ, той есть любяй Мя. А любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и къ нему придемъ, и обитель у него сотворимъ*“ (Іоан. XIV, 21, 23). Итакъ, люблю-ли я Господа?—Стыдно и страшно сказать отрицательно, и я говорю, что люблю. И какъ я радъ, что сказалъ это!—Но не вѣрьте мнѣ, ибо я солгалъ, поелику не могу доказать правоту моихъ словъ дѣлами мо-

ими. Христосъ Спаситель говоритъ, что любить Его только тотъ, кто соблюдаетъ Его заповѣди и хранить Его слова (Иоан. XIV, 15, 23). Между тѣмъ, едва лишь дѣло коснется исполненія заповѣдей, я обнаруживаю обратное дѣйствіе. Заповѣдуетъ Богъ *не творить себѣ кумира*,—а я какъ будто нарочно встану самъ на мѣсто Божіе, и ближняго моего поставлю на престолѣ, и къ неодушевленной твари поспѣшу съ поклоненіемъ. Заповѣдуетъ Богъ *почитать отца и мать*, родившихъ меня,—а я ихъ совѣты ни во что вмѣню, надъ старцемъ сѣдовласымъ посмѣюсь, осужду начальника, во власти не нуждаюсь. Повелѣваетъ Богъ *не убивать* человѣка,—а я и примѣромъ недобрымъ убью его душу, и словомъ язвительнымъ какъ ножомъ ураню его (Притч. XII, 18), и насиліемъ принесу ему вредъ, и притѣсненіемъ хлѣбъ у бѣдняка отниму. — Требуется мѣръ себѣ дани отъ человѣка,—и все готово къ его услугамъ: и богатство, и силы, и время. Въ угоду модѣ я нарушаю законъ, по просьбѣ друга свершаю преступленіе. Но лишь только Церковь любовно-матерински начинаетъ приглашать дѣтей своихъ исполнить заповѣдь Господню,—и все, какъ нарочно, складывается неблагопріятно для этого. Она заповѣдуетъ постъ, — а я ссылаюсь на болѣзнь, на слабость силъ, на соображенія собственнаго разума, на свидѣтельства мудрецовъ міра сего и—нарушаю постъ. Она требуетъ соблюдать день седьмой,—а человѣкъ отговаривается обстоятельствами, нуждой, спѣшностью и необходимостью работы—и нарушаетъ святость воскреснаго дня, который Самъ Господь Богъ освятилъ Своимъ примѣромъ.—Церковь призываетъ къ молитвѣ, а человѣкъ дѣлаетъ совершенно дѣтскія и неразумныя возраженія. Человѣкъ говоритъ, что сегодня у него нѣтъ расположенія къ молитвѣ, а вотъ будетъ оно завтра,—что сегодня у него сердце холодно, а вотъ завтра оно согрѣется, или что молиться вообще только тѣломъ, безъ участія души, онъ не можетъ и не хочетъ и т. д. Бѣдный, бѣдный человѣкъ! Ты не молишься потому, что у тебя нѣтъ расположенія? Но развѣ лишь тогда ты пойдешь къ царю благодарить его за милость или просить о помилованіи, когда у тебя будетъ расположеніе духа? Напротивъ, не тогда-ли, когда онъ назначитъ тебѣ время?! Вотъ Царь небесный назначилъ день седьмой для того, чтобы ты явился

предъ Нимъ съ твоими благодареніями, мольбами и нуждами, — а ты говоришь, что *у тебя расположенія нѣтъ?!* — Но ты еще говоришь, что не хочешь молиться тѣлесно, безъ участія души. — Напрасно ты не хочешь сдѣлать хотя половины, если не можешь выполнить все. Ибо, если сказано: „*прославите Бога въ тѣлесныхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія*“ (1 Кор. VI, 20), то прославленіе Бога лишь тѣлесно есть нѣкоторая половина всего молитвеннаго подвига, заповѣданнаго христіанину. Поэтому, не вѣриѣ-ли, что ты только отговорки придумываешь, — которыя не только не оправдываютъ тебя, а напротивъ, свидѣтельствуютъ, что о любви къ Богу въ сердцѣ твоёмъ не можетъ быть и рѣчи? Ибо если бы ты любилъ Его, то не только не отказывался бы отъ молитвы, но постоянно искалъ бы случаевъ къ тому, чтобы какъ можно чаще бесѣдовать съ Богомъ, и находилъ бы въ этомъ свое высшее счастье, какъ находилъ его человѣкъ въ бесѣдѣ съ любимымъ существомъ. Вѣдь, на веселую бесѣду съ пріятелемъ ты усиленно спѣшишь, пустую книжонку читаешь съ удовольствіемъ, и цѣлые дни и часы такихъ занятій кажутся тебѣ незамѣтной минутой; тогда какъ въ церковь и вообще на молитву ты боленъ, недосуженъ, неготовъ, не расположенъ, — и минуты, проведенныя въ этомъ занятіи, кажутся тебѣ цѣлыми часами. Знайте, братіе, что повторяющееся уклоненіе отъ молитвы есть вѣрный знакъ, что человѣкомъ владѣетъ непобѣжденная чувственность или иная какая-либо преступная страсть. Когда дурное, похотливое желаніе господствуетъ въ нашей душѣ, тогда мы дѣйствительно неспособны молиться. Когда гнѣвъ дѣлается нашимъ господиномъ, то для молитвы не остается уже мѣста въ нашей душѣ. Когда, какъ змѣю на груди, наше сердце питаетъ и лелѣетъ замыселъ коварный, тогда намъ стыдно явиться предъ Господомъ, ибо мы боимся, что уста Спасителя на этой святой иконѣ отверзутся, и мы услышимъ беззвучное слово упрека, почувствуемъ безмолвное обличеніе. Когда зависть, какъ червь, закралась въ нашу душу, тогда мы бѣжимъ отъ молитвы. Такъ Духъ Божій отошелъ отъ Саула, когда у него зародилось завистливое чувство къ Давиду. — Но вотъ даже ты явился предъ лице Божіе. Что опять замѣчается? Едва не съ первой минуты ты уже усталъ, тебѣ тяжело, и

ты уже ищешь удобнаго момента, чтобы прекратить свою молитву. Но подумай: если ты молишься только до тѣхъ поръ, пока тебѣ это легко и пріятно, то Богу-ли ты дѣлаешь удобное, или другое побужденіе руководить тобою? Послушай и апостоловъ, которые сказали: *„встѣхъ вѣрныхъ входящихъ въ церковь, и писанія слушающихъ, но не пребывающихъ на молитвѣ... до конца, яко безчиніе въ церкви производящихъ, отлучати подобаетъ отъ общенія церковнаго“* (Прав. св. Апост. 9; ср. помѣстн. антiox. соб. пр. 2). Послушай и убойся анаемы, которую пріемлешь на главу свою, оставляя церковное собраніе прежде, чѣмъ предстоятель скажетъ тебѣ: *сг миромъ изыдемъ!* Но ты опять говоришь: „у меня есть другое, неотложное дѣло, и потому я спѣшу“.— Другъ мой, — неотложное и самое главное дѣло для человѣка на землѣ—жить по заповѣдямъ Божиимъ, а не по „стихіямъ міра“, откуда мы произвольно беремъ для себя наши дѣла и произвольно-же устанавливаемъ ихъ цѣну.— Такимъ образомъ, твое сердце не готово къ пріятію Спасителя: въ немъ нѣтъ любви къ Богу, которая одна способна приготовить къ этому душу твою.

Но, можетъ быть, любовь человѣка обращена на ближнихъ его и, любя ближняго, въ нихъ онъ любитъ Бога?—Да, братіе,—Бога мы не видимъ и потому, можетъ быть, не любимъ; но брата нашего мы видимъ, съ ближнимъ нашимъ мы бесѣдуемъ, съ сосѣдомъ нашимъ ежедневно встрѣчаемся и, безъ сомнѣнія, любимъ ихъ. Итакъ, гдѣ-же ты между людьми, святая любовь? Явись, дай полюбоваться, дай на тебя насмотрѣться и хотя здѣсь отдохнуть усталой душой! — Но прислушайтесь къ говору толпы, присмотритесь и къ печатнымъ сужденіямъ людскимъ, войдите и въ собраніе сыновъ вѣка сего,—что вы найдете тамъ?—Много, конечно, вы увидите хорошаго, полезнаго, любовнаго, христіанскаго; не мало окажется тамъ и недобраго,—но громче всего раздается голосъ осужденія ближняго, голосъ лжи и клеветы; ярче всего выдѣляется порицаніе, хула и обманъ, злоба и коварство,—а на первомъ планѣ—всегда самолюбіе наше.— Это-ли голосъ твой, любовь христіанская? Это-ли зракъ твой, любовь божественная?

Но поможемъ и здѣсь человѣку. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, этотъ голосъ имѣетъ цѣлю чрезъ обличеніе и

порицавiе исправить ближняго?—Но почему въ такомъ случаѣ мы осуждаемъ не только живыхъ, но и умершихъ, которыхъ уже нельзя вразумить и исправить? Почему порицаемъ и тѣхъ, съ которыми сейчасъ такъ любезно собесѣдовали и даже въ глаза хвалили ихъ? Почему стремимся исправить и тѣхъ, кто не находится въ нашей власти и къ кому мы часто не имѣемъ никакого отношенiя? Такъ твой ли это голосъ, святая любовь? Не вѣришь ли, что это голосъ мелкаго самолюбiя человѣческаго, забывающаго бревно въ собственномъ глазѣ и указующаго сучецъ въ глазѣ ближняго? Не лучше ли назвать его голосомъ тщеславiя, стремящагося показать, что мы не таковы, якоже прочiи человѣцы,—хищницы, прелюбодѣи и т. д.? Не хриплый ли вой злобы слышится въ немъ, не страсть ли гнѣва подбираетъ слова для обличенiя брата?

Итакъ, нѣтъ! Господь и въ сердцѣ нашемъ не найдетъ Себѣ достойнаго жилища!

Но кромѣ разума и сердца мы имѣемъ еще волю, данную намъ Богомъ для того, чтобы мы свободно опредѣляли себя къ блаженству чрезъ угожденiе Ему. Куда же употребляемъ мы нашу свободу, къ чему направляемъ нашу волю? Не къ тому ли, чтобы стать противъ воли Божiей? Не туда ли, чтобы, отринувъ свободно благое и легкое иго Христово, удалиться *на страну далеко* и тамъ расточить наслѣдiе небснаго Отца? Но туда не придетъ къ намъ Христоръ! Онъ не вйдетъ въ вси той страны и не сотворитъ тамъ обители Себѣ!

Однако, нѣтъ ли, братiе, еще спасенiя? Кромѣ души Господь Богъ далъ намъ прекрасное тѣло и заповѣдалъ, чтобы оно служило несравненно болѣе прекрасной душѣ. По-истинѣ высока душа, будучи образомъ Божиимъ; но драгоцѣнно и тѣло, ибо Господь благоволилъ назначить его въ жилище Себѣ и въ храмъ Духа Святаго. Онъ питаетъ это тѣло Своею пречистою плотiю, наполняетъ безцѣнною кровiю, а потому оно достойно всякаго уваженiя. Итакъ, не здѣсь ли уготоваемъ мѣсто Божественному Путнику?—Увы, какъ часто это жилище Святаго Духа мы дѣлаемъ вертепомъ разбойниковъ, обитель Божию превращаемъ въ корчемницу, гдѣ творится такое, о чемъ срамно есть и глаголати! Нечистыя страсти овладѣваютъ обителью Бога,

порабощаютъ нашу богоподобную душу и устанавливаютъ въ ней противоестественный порядокъ: господинъ дѣлается служителемъ своего раба и измышляетъ различные средства и способы угожденія ему. Такимъ образомъ, и въ это жилище не увидеть Господь!

Но обратите взоры ваши, братіе,—и рядомъ съ этими грязненными жилищами, куда не увидеть Господь, и одновременно съ этою житейской суетой, которую осудить Господь, какъ Онъ осудилъ хлопотливую Марю, вы увидите инныя обитатели, гдѣ всегда готово мѣсто для небеснаго Гостя и гдѣ вмѣсто Марыи Онъ найдетъ сестру ея—Марію. Къ такимъ обителямъ мы дерзаемъ отнести и этотъ святой храмъ, окрестъ котораго пріютилась и наша духовная школа, подобно Маріи, сѣдящей у ногъ Иисусовыхъ и слушающей слово Его (Лук. X, 39). Осѣняемая честнымъ омофоромъ Богоматери, наша родная духовно семья закончила нынѣ еще одинъ свой учебный годъ. Труженики ея нынѣ подводятъ итоги терпѣливой, упорной и самоотверженной работы своей, которою они трудились за этотъ періодъ времени. Обнимая духовнымъ взоромъ своимъ концы роднаго края и чужихъ земель и видя повсюду своихъ питомцевъ, они рады-бы видѣть сегодня ихъ всѣхъ около себя, какъ птенцовъ подъ крылами любящей матери, чтобы вмѣстѣ съ ними встрѣтить Господа. Поэтому они всѣхъ ихъ сегодня зовутъ въ свою семью. Отшедшихъ они поминаютъ молитвою; живыхъ награждаютъ за труды. Они отмѣчаютъ того, который чистымъ сердцемъ своимъ стремился постигнуть чистую мудрость и всѣми силами богатаго ума искалъ божественную истину. „Приди, — скажутъ ему, — мы украсимъ тебя вѣнкомъ нашей похвалы и любви! По вмѣстѣ съ нимъ приди и ты, который безкорыстно облегчалъ подвиги труждающихся, или работалъ рядомъ съ ними на сосѣднемъ полѣ, — приди — мы дадимъ тебѣ почетное мѣсто между нами! Приди и ты, который трудился въ виду естественной награды за трудъ, — приди и возьми свое, ибо *„достойнъ дѣлатель мзды своей“* (Мѡ. X, 10)! Приди и ты, который надломилъ свои силы надъ упорной работой, — приди и почій отъ трудовъ твоихъ, пользуясь заслуженнымъ покоемъ и честно заработанными плодами рукъ твоихъ“! И вы, юные носители нашихъ нестарѣю-

щихся идеаловъ, наша гордость и наша надежда, — и вы сегодня увидите, что и ваши труды не забыты. Знайте, однако же, что Церковь и родина *ждутъ еще* вашихъ трудовъ и потому съ упованіемъ взирають на васъ. Просвѣщайте же вашъ молодой умъ и воспитывайте ваше доброе сердце, пока день имате: „*придетъ ночь, егда никто же можетъ длати*“ (Іоан. IX, 4). Не теряйте бесплодно этихъ дней, которые вы проводите подъ сѣнію сего святаго храма и, подобно Маріи, какъ будто у ногъ Самого Спасителя слушаете слово Его и изучаете законъ Его. И тогда ввидетъ въ храмъ сей Божественный Учитель сего божественнаго слова, и наша благая часть, которую мы избрали, навсегда останется нашимъ удѣломъ, а Пречистая Дѣва, днесь предстоящая въ церкви и съ лики святыхъ за ны молящаяся Богу, выну будетъ осѣнять насъ честнымъ омофоромъ Своимъ!

Іером. Иннокентій.
